

УДК 821.161.1 Толстой

К.А. Нагина

ИЗ БЕСТИАРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ЧЕЛОВЕК И СВИНЬЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Предметом исследования в статье служит бестиарий Л. Толстого. Одним из главных анималистических образов в творчестве писателя является образ свиньи, представленный как в ранних, так и поздних его произведениях. Этот образ претерпевает существенную эволюцию. В повести «Казачьи сыновья» свинья объявляется носителем природной мудрости, а в «Крейцеровой сонате» становится знаком античеловеческого. Тенденция к изменению рецепции свиньи намечается в пьесе «Зараженное семейство», где обнаруживаются отсылки к «скотской» теме комедии Д. Фонвизина «Недоросль». Знаковой становится пьеса «Первый винокур», в которой Л. Толстой обнажает причины превращения человека в грязное животное – свинью. Повесть «Крейцера соната» развивает эту тему. Отказываясь от физического труда, представители человеческого рода ведут «свиную жизнь», нравственно деградируя. Таким образом, рецепция свиньи у Л.Н. Толстого повторяет ту эволюцию, которую претерпевает образ свиньи в восприятии человечества.

Ключевые слова: анималистический код, бестиарий, Л. Толстой, «Зараженное семейство», «Первый винокур, или как чертенок краешку выкупал», «Крейцера соната».

По отношению к повести «Казачьи сыновья» «Крейцера соната» играет роль кривого зеркала, в искаженном виде отражающего основные образы и мотивы раннего произведения писателя. В первую очередь, это касается анималистических образов, с такой неподдельной любовью к природному миру изображенных в «Казачьих сыновьях», где зверь отражается в человеке, а человек – в звере. Все звери: от самого ничтожного – комара – до самого благородного – оленя – объявляются дядей Ершкой, а через него и самим писателем, носителями природной мудрости. Подтверждением этому служит экстатическое перевоплощение Дмитрия Оленина в комара, фазана и оленя, в результате которого герой обретает особый угол зрения, позволяющий видеть в людях самые лучшие качества.

Самым мудрым зверем в «Казачьих сыновьях» становится дикая свинья, о которой дядя Ершка говорит, что она «умнее человека». Такое видение отвечает древнейшим представлениям об этом животном, соответственно которым кабан символизирует воинскую храбрость и доблесть, а свинья играет роль праматери человечества, олицетворяя собой плодородие и саму жизнь.

В «Крейцеровой сонате», в отличие от «Казачьих сыновьях», сами звери мало интересуют писателя: его внимание сосредоточено на человеческой цивилизации, в своем развитии дошедшей до последней степени нравственной деградации. Нет сомнений в том, что люди хуже зверей: звери живут инстинктом, человек же отринул природный инстинкт и стал руководствоваться своими страстями и порочными желаниями, превратившись в «поганого царя зверей». Оттого звериное, лишненное своего изначального природного смысла, становится у Толстого знаком античеловеческого. Символом же этого античеловеческого объявляется свинья. Ничего нового писатель не изобретает: он лишь следует христианской символике, в которой свинья выступает олицетворением всевозможных пороков. Рецепция этого животного у Толстого повторяет ту самую эволюцию, которую претерпевает образ свиньи в восприятии человечества.

В 1864 году, после опубликования в 1863 году «Казачьих сыновьях», Толстой пишет пьесу «Зараженное семейство», посвященную теме нигилизма. Конфликт этой комедии вполне традиционен для литературы 1860-х годов: это конфликт поколений, отцов и детей. В сферу влияния модных идеологических течений втягивается молодежь семейства Прибышевых: племянница главы семейства, пятнадцатилетний сын-гимназист и восемнадцатилетняя дочь, в доме Прибышевых в качестве учителя также живет студент «из духовного звания», причисляющий себя к нигилистам и служащий примером для подражания своему ученику. Приверженцем новомодных взглядов считает себя и Анатолий Дмитриевич Венеровский, акцизный чиновник, сватающийся к дочери Прибышева. Он как раз и является одним из главных носителей инфекции «нигилизма» и, соответственно, источником ее распространения, о чем свидетельствует его фамилия, содержащая отсылку к метафоре заражения венерическим заболеванием. В этом смысле символично, что он так и не становится настоящим мужем для дочери Прибышева, получающей шанс вернуть свое душевное здоровье. Сам Иван Михайлович Прибышев в общем-то неглупый человек, растерявшийся после отмены крепостного права, еще не обретший но-

вых форм ведения своего хозяйства и решивший, что современные молодые люди превосходят его умом и образованностью. Жена главы семейства обрисована невыразительно: она самая обычная помещица, но оглядывающаяся, как и ее супруг, на молодых, живущих в доме. Традиционно в комедиях подобного рода, начиная с «Недоросля» Фонвизина, носителем здравого смысла и моральной нормы оказываются крестьяне: у Фонвизина Тришка, у Толстого – бывшая няня, экономка Марья Исаевна.

Сближает пьесы Толстого и Фонвизина и сама изображаемая ситуация: в помещичий дом приезжают «новые» – в разных смыслах – люди, в результате чего происходит столкновение двух систем взглядов и ценностей. Однако фонвизинское столкновение старого и нового, «антикультуры и культуры» [1. С. 7], у Толстого переворачивается: по-человечески правыми оказываются не приезжие господа, «новые» люди, а как раз те помещики, которые у Фонвизина выступают воплощением морального и социального уродства.

Вслед за Фонвизиним вводит Толстой в комедию и тему подмены человеческого животным. В «Зараженном семействе» присутствует «свиной» подтекст, который в «Недоросле» становится «одной из форм “обманного” повествования, художественным способом изучения “злонравия”» [1. С. 15]. В фамилии брата Простаковой (Скотинин), в его нежной любви к свиньям, переданной племяннику, в многократном ироническом обыгрывании «свиной» темы звучит мысль драматурга о полной утрате его персонажами нравственных ориентиров. Уже в первой знаменитой сцене комедии – примерки Тришкиного кафтана – Простакова называет «скотским» рассуждение крепостного человека о необходимости учения, тогда как подлинно «скотским» является именно ее мировоззрение. А далее Простаковы-Скотинины начинают проговариваться, обнажая свое духовное родство с животными. Скотинин говорит о превосходстве свиньи над человеком: «...у нас в околотке такие крупные свиньи, что нет из них ни одной, котора, став на задни ноги, не была бы выше каждого из нас целою головою» [5. С. 112], а потом заверяет Правдина и Стародума, что его род «старее Адама», то есть «пращур» его создан в тот же день, когда Господь создавал животных. О своей сестрице Скотинин говорит, что она с ним «одного помету» [5. С. 136], а сама Простакова обнаруживает в своей любви к сыну Митрофанушке животное начало: «Слыхано, чтоб сука щенят своих выдавала?» [5. С. 159]. Многократное ироническое обыгрывание «скотской» темы призвано продемонстрировать человеческую несостоятельность представителей семейства Простаковых-Скотининых.

Тем же приемом пользуется Толстой, только не столь мастерски и разнообразно. Любопытно, что, как и в «Недоросле», эта тема начинает звучать в «Зараженном семействе» в репликах тех персонажей, которые в дальнейшем сами обнаружат свое «скотское» нутро. Как Простакова называет «скотской» вполне здравую мысль Тришки, так племянница Прибышева, новоявленная нигилистка Катерина Матвеевна, обвиняет няню в том, что она «неразвита и животна». Няня, уже не крепостная крестьянка, позволяет себе реплику в защиту: «Всех осрамила. Все животные. Тридцать лет служу, никто животным не называл» [3. Т. 11. С. 355]. Однако няня сама провоцирует Катерину Матвеевну. Речь идет о любви вообще и о Венеровском в частности. Катерина Матвеевна, влюбленная в Венеровского, ревнует его к дочери Прибышева: «Отчего ж он в неразвитую, ничтожную девочку влюбится, а в меня не влюбится?» На что няня, редуцируя известную поговорку, резонно замечает: «Отчего-с? А вот отчего, матушка, – от козла» [3. Т. 11. С. 355]. Так в комедии начинает звучать «животная» тема, которая до середины действия связана с той оценкой, которую «прогрессивно» настроенные персонажи дают презираемым им героям из противоположного лагеря.

Прибышев определяется другом Венеровского Беклешовым как «телячья натура» [3. Т. 11. С. 374], учитель-студент называет няню «млекопитающим субъектом», Венеровский – родителей невесты «свиньями» [3. Т. 11. С. 411] и др. причем Беклешов использует охотничью риторику, планируя свои и Венеровского действия относительно семейства Прибышевых. «Я затравлю их обоих» [3. Т. 11. С. 385], – говорит он о Катерине Матвеевне, влюбленной в его друга и мешающей сватовству Венеровского к ее двоюродной сестре, и об Иване Михайловиче Прибышеве; «Мы и не таких травили» [3. Т. 11. С. 397], – уже о матери своей невесты, вздумавшей по наущению няни передать приданое зятю только через некоторое время супружеской жизни. О Прибышеве он вновь недвусмысленно заявляет: «Я вижу только в этом млекопитающемся Прибышеве <...> которого надо затравить, и я затравлю» [3. Т. 11. С. 374]. Как охотник на «млекопитающих» Беклешов ведет себя и на службе: «Затравили, брат, помещиков пару, одну помещицу, да чиновника-взяточника притянули. Все в одно заседание!» [3. Т. 11. С. 374].

Толстой использует в основном словесные приемы комического. Все его «новые» люди косноязычны, речь их полна неоправданных инверсий и естественнонаучной лексики, как у студента, Катери-

ны Матвеевны и Венеровского. Один Беклешов, известный пройдоха и весьма практичный человек, выражает свои мысли четко и ясно, в соответствии со своим жизненным кредо дельца и охотника.

Жизненный процесс вообще и человеческая жизнь в частности объясняется этими персонажами сугубо с физиологической точки зрения. «А, физиологию [читаете] – статья добрая <...> Вот Льюса почитайте. Да еще превращения ячейки <...>, – обращается студент к Катерине Матвеевне, которая затем отвечает на вопрос Марьи Васильевны о «ячейках»: «Все органическое существует только в силу развития ячеек» [3. Т. 11. С. 360]. И здесь Толстой неоригинален: его нигилисты чрезвычайно напоминают тургеневских – Ситникова и Кукшину.

Как и Кукшина, племянница Прибышева не может похвастаться миловидной внешностью и оттого объявляет любовь «предрассудком», а основой брака – «тождественность» «взглядов на жизнь» у супругов. Как Кукшина называет естественные науки своей «страстью», рассуждает о превосходстве Эмерсона над Жорж Санд, интересуется «женским вопросом», рекомендует почитать «статью Кислякова о женском труде» [4. С. 61] и объявляет, что все «наши женщины» очень «дурно воспитаны» и неразвиты [4. С. 355], так и Катерина Матвеевна «разбирается» в политической экономии, рассуждает о женском образовании, все о том же «дурном» воспитании современных женщин и в итоге направляется вместе со студентом Твердынским в Петербург, чтобы жить в коммуне, где «супружества не существует, а совершенно свободные отношения» [3. Т. 11. С. 406]. Точно так же господин Венеровский отчасти смахивает на Ситникова, который в сцене посещения Кукшиной «в особенности напал на женщин, не подозревая того, что ему предстояло, несколько месяцев спустя, пресмыкаться перед своей женой потому только, что она была урожденная княгиня Дурдолеосова» [4. С. 63]. Студент Твердынский пополняет ряды тех русских студентов, о которых Тургенев говорит, что они «на первых порах» удивляют «наивных немецких профессоров своим трезвым взглядом на вещи», а «впоследствии удивляют тех же самых профессоров своим совершенным бездействием и абсолютной ленью», не умея «отличить кислорода от азота», но будучи «исполненными отрицания и самоуважения» [3. Т. 11. С. 379].

Так что именование нигилистами не-нигилистов «млекопитающими» и «животными» вытекает из литературной традиции обрисовки персонажей подобного рода и неплохо дополняет их коллективный портрет.

Однако в конце третьего действия ситуация меняется: герои из лагеря Прибышева вдруг понимают, что на самом деле представляют собой эти «прогрессивные люди» и сами начинают называть их «свиньями». Первым это делает друг Прибышева Николаев, перед которым Венеровский демонстрирует грубое неуважение по отношению к семье своей невесты. «Свиньей» он называет не только Венеровского, но и сына Ивана Михайловича, гимназиста, увлекшегося идеями своего учителя-студента и захотевшего обрести свободу в Петербургской коммуне. Рассказывая Прибышеву о том, как его зять не пожелал после венчания поехать в дом невесты на празднование свадьбы, а посадил Любочку в повозку, «крытую рогожей», Николаев высказывает свое возмущение: «Нет, такого свинства я в жизнь свою не видал!» [3. Т. 11. С. 416]. Описание жилища Венеровского соответствует натуре владельца: «Квартира – свиной хлев чище!» [3. Т. 11. С. 416]. Не скупясь на эмоции, тот же Николаев комментирует поведение Катерины Матвеевны, отправившейся в коммуну и требующей от Ивана Михайловича денег: «Она бешеная! Ее на цепь надо. А ты все ее учение хвалишь» [3. Т. 11. С. 240].

И, наконец, эта же тема «свинского» связана с оценкой происходящего третьей стороной – точкой зрения, которую высказывают герои из народа. Няню, как носительницу здравого смысла, сменяет мужик – смотритель на станции. Прибирая за проезжающими, он замечает: «Вишь, свинство надделали. Подмести вели, да хоть бы со стола-то стер. Ведь вот нет того проезжающего, чтоб не скучал. Нечисто все им. А ведь кто ж гадит? Все они. Так и норвят все загадить и уехать. И все ему нечисто» [3. Т. 11. С. 423].

В этой реплике задается новая трансформация «свинского» – мотив нечистоты / грязи, сопряженный со скукой, являющийся центральным для пятого – завершающего – действия комедии. В этом действии у Любочки открываются глаза на Венеровского, успешного стать ее мужем. Привезенная им на почтовую станцию, она везде видит «гадость» и «грязь». В один ассоциативный ряд с грязными чашками и столом попадает Венеровский. Он предлагает жене разлить чай из самовара в чашки, одновременно объясняя, что любить «женщину за то, что она произвела вас на свет, не имеет никакого смысла» [3. Т. 11. С. 425], на что Любочка отвечает: «Нет, я не хочу [разливать], – все это грязно и гадко... посмотрите, какие чашки, – я не хочу». Из этой реплики видно, что в рецепции ге-

роини грязны не только чашки, но и мысли ее собеседника. После этого Любочка фиксирует свое внимание на окружающей ее грязи, от пребывания в которой ей становится «скучно». В сцене на станции она пять раз говорит о своей скуке, не умея иначе объяснить то, что творится у нее на душе. «Я знал, что вам будет скучно, – комментирует ее состояние супруг. – Вы выросли в обстановке дрянной <...> вы усвоили много из той апатичной и затхлой атмосферы. Оно незаметно впиталось в вас. Вы не заметили этого прежде, как незаметна грязь в навозном хлеве» [3. Т. 11. С. 426]. И здесь Венеровский проговаривается, подобно персонажам Фонвизина: это ему незаметна «грязь» его собственной жизни, действительно напоминающей «свиной хлев» (здесь звучит отсылка к реплике Николаева о том, что «свиной хлев» «чище» его квартиры).

Этот мотив грязи, метонимически соединяющей внешнее / внутреннее, крайне декларативно заявленный в «Зараженном семействе», в дальнейшем станет для Толстого основополагающим. Уйдя в подтекст «Анны Карениной» и «Живого трупа», он соединится с мотивами омовения // запачканности. Анна станет «грязной» для своего мужа и светского общества, ощущая эту «грязь» всем существом, и Федя Протасов будет жить в грязи, сохраняя в себе чистоту и свет. Соединение грязи // чистоты и света происходит уже все в той же реплике Венеровского, обращенной к Любочке: «...при соприкосновении с чистотой и силой грязь вам самим стала заметна, и свет вам глаза режет» [3. Т. 11. С. 426]. Любочке действительно стала заметна грязь, но не своя собственная, а «грязь» помыслов супруга. «Грязь» и «гадость» входят в диалог «новых» людей Катерины Матвеевны и студена Твердынского, причем строится он по той же схеме, что и диалог Венеровского с Любочкой. Твердынский отыскивает «грязь» в своей визави, не пожелавшей вступить с ним в любовную связь: «...так грязно понимать все...» [3. Т. 11. С. 432], и Катерина Матвеевна сама обнаруживает свою «гадость»: «Я жалкое создание, вы мне гадки, а сама я еще гаже!» [3. Т. 11. С. 432].

В итоге Иван Михайлович забирает у Венеровского свою дочь, которая не просто не любит своего супруга, но ненавидит его. К своему дяде возвращается и Катерина Матвеевна, вполне исцелившаяся от нигилизма. А Венеровский остается при своем мнении, отказываясь от прав на Любочку и от ее приданого.

Называя свою пьесу «Зараженное семейство», Толстой наследует Фонвизину не только в приеме уподобления людей животным, но и в самой идее «заражения». В «Недоросле» эта идея связана со Стародумом, который представляет императорский двор в виде «неисцельно» больного, и предупреждает любого, вступающего с ним в контакт, об опасности «заразиться». Толстой изображает семейство, «зараженное» новыми идеями, понятиями в самом вульгарном виде. Однако здесь исцеление вполне возможно – этот процесс читатель как раз и наблюдает в финале пьесы.

К анималистической метафорике «Зараженного семейства» Толстой вернется через двадцать с лишним лет: в 1886 году им будет написан рассказ «Как чертенок краюшку выкупал» и пьеса «Первый винокур, или как чертенок краюшку заслужил», объединенные общим сюжетом. В следующем, 1887 году, окончательно оформится замысел «Крейцеровой сонаты» и начнется работа над ней. В произведениях, написанных за более чем двадцатилетний промежуток между «Зараженным семейством» и текстами 1880-х годов – «Войной и миром», «Анной Карениной», «Исповедью» и другими, – Толстой совершенно иначе использует анималистическую метафорику, не связывая с ней какой-либо тенденции к морализаторству. Любопытно, что в «Войне и мире» свиное обнаруживает себя всего трижды, и то в абсолютно нейтральных контекстах. В «Анне Карениной» в разговоре Левина с консервативно настроенным помещиком «свинья» впервые соединяется с темой народных пороков. «Рабочий наш только одно знает – напиться, как свинья» (8, 365), – говорит собеседник Левина и развивает эти мысли дальше: «Он настаивал на том, что русский мужик есть свинья и любит только свинство, и чтобы вывести его из свинства, нужна власть» [3. Т. 8. С. 167]. Именно эта тема станет центральной в сюжете про винокурение, который так понравится Толстому, что тот изложит его дважды: в форме народной сказки и пьесы для народного театра. Сюжет был подсказан писателю сборником А.Н. Афанасьева «Народные русские легенды». Он объединил два варианта легенды: белорусский и татарский, добавил свой финал и иначе расставил акценты. В этой истории чертенок учит крестьянина превращать зерно в вино. Добившись своей цели, он наблюдает, как в мужиках начинается «говорить» «звериная кровь». Принадлежность «крови» конкретному зверю – лисе, волку и свинье – соответствует стадиям опьянения. Последняя стадия – «свиная»: «Вышел проводить гостей хозяин, упал носом в лужу, измазался весь, лежит как боров, хрюкает» [3. Т. 10. С. 350].

В сказках подобные метаморфозы объясняются тем, что чертенок «подпустил» мужику в вино «звериной крови». Толстой же объясняет происходящее иначе: «Звериная кровь всегда в нем была, только ходу ей не было» [3. Т. 11. С. 22].

Именно эта идея об изначальном присутствии в человеческом существе «звериной крови» во многом питает художественную мысль «Крейцеровой сонаты», с ней связаны и всевозможные трансформации человеческого в животное, звериное. Интересен и еще один момент: ход «звериной крови» в мужике становится возможным только тогда, когда в скромном крестьянском хозяйстве появляются излишки. По наущению чертенка мужик очень удачно сеет хлеб: «Я ему всего только сделал, – говорит чертенок «набольшему» черту, – что хлеба лишнего зародил. Она, эта кровь зверина, всегда в нем живет, да ей ходу нет, когда хлеба с нужду рождается. Тогда он и последней краюшки не жалел, а как стали лишки от хлеба оставаться, стал он придумывать, как бы себя потешить. И научил я его потехе – вино пить. А как стал он божий дар в вино курить для своей потехи, поднялась в нем и лисья, и волчья, и свиная кровь. Теперь только бы вино пил, всегда зверем будет» [3. Т. 10. С. 350].

В «Крейцеровой сонате» в поле зрения Толстого попадает другой порок – похоть, но причины превращения человека в зверя остаются все те же – излишки: излишки денег, пищи, времени, чувств. Идею чертенка Толстой заставляет повторять Позднышева, убежденного, что движению человечества к идеалу затрудняют страсти, среди которых самая «злая» и «упорная» – «половая плотская любовь»: «Ведь наша возбуждающая излишне пища при совершенной физической праздности есть не что иное, как систематическое разжигание похоти. <...> Обыкновенная пища малого из крестьян – хлеб, квас, лук; он жив, бодр, здоров, работает легкую работу. Он поступает на железную дорогу, и харчи у него – каша и один фунт мяса. Но зато он и выпускает это мясо на шестнадцатичасовой работе с тачкой в тридцать пудов. И ему это как раз так. Ну а мы, поедающие по два фунта мяса, дичи и всяческие горячительные яства и напитки, – куда это идет? На чувственные эксцессы. И если идет туда, спасительный клапан открыт, все благополучно; но прикройте клапан, как я прикрывал его временно, и тотчас же получается возбуждение, которое, проходя через призму нашей искусственной жизни, выразится влюблением самой чистой воды» [3. Т. 12. С. 140].

Идея губительности излишек для человека является для позднего Толстого одной из чрезвычайно значимых, поскольку он постоянно возвращается к ней в трудах самого разного рода и с удивительным постоянством связывает ее со «свинским». К примеру, в Дневнике от 12 октября 1905 года он записывает: «Совершенно ясно понял и почувствовал все безумие нашей, богатых, освобожденных от труда сословий, жизни и то, что оно не может быть иначе. Люди, не работая, то есть не исполняя один из законов своей жизни, не могут не ошалеть. Так шалеют перекормленные домашние животные: лошади, собаки, свиньи» [2. Т. 55. С. 166]. В последнем крупном произведении – «Путь жизни» – Толстой тоже декларирует эту мысль, даже вынося в название раздела: «Все лишнее для тела вредно и телу и душе». Для иллюстрации этого утверждения он прибегает к авторитету Сократа, напоминая своим «ученикам сказку о мудром Улиссе: как волшебница Цирцея не могла заколдовать Улисса оттого только, что он не стал объедаться, а товарищей его, как только они набросились на ее сладкие кушанья, всех обратила в свиней». Еще один раздел «Пути жизни» обосновывает эту идею: «Вредные последствия богатства»: «Жизнь людей богатых, свободных от необходимого для жизни труда, не может не быть безумна. Люди, не работая, то есть не исполняя один из законов жизни всех людей, не могут не шалеть. С ними делается то же, что с перекормленными домашними животными: лошадьми, собаками, свиньями. Они прыгают, дерутся, носятся с места на место, сами не зная зачем» [2. Т. 45. С. 152].

Этот контекст заставляет иначе взглянуть на «Крейцерову сонату». Традиционно чтение и изучение повести связано со стремлением прояснить взгляды Толстого на половую любовь, поэтому она встраивается в один ряд с «Семейным счастьем», «Анной Карениной», «Дьяволом» и «Отцом Сергием». Но, судя по всему, повесть следует читать в контексте прямого обличения жизни людей того круга, к которому по происхождению и положению принадлежал Толстой: «Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию, и пируют» [2. Т. 49. С. 58]. В повести не решается вопрос о том, что такое любовь и есть ли она вообще, в ней говорится о том, что жизнь привилегированной части общества превратилась в «дом терпимости» из-за отсутствия реального дела и необходимости обеспечивать существование свои трудом. Каждая из повестей 1880–1890-х годов иллюстрирует свой аспект жизни «богатых и знатных»: «Холстомер» поднимает вопрос о собственности, «Смерть Ивана Ильича» изображает служебный и домашний вакуум, в котором ока-

зывается человек в конце бесцельно прожитой жизни, «Хозяин и работник» говорит об алчности и тяге к приобретательству, «Отец Сергей» о мнимой святости и т.д., а «Крейцеров соната» и «Дьявол» поднимают половой вопрос, чем как раз и объясняется наличие разветвленного анималистического кода в «Крейцеровой сонате» при полном его отсутствии или весьма незначительном присутствии в других повестях.

Именно в любви человек оказывается близок к природному, животному миру, декларируя неразрывную связь с ним, что со знаком «плюс» было отмечено Толстым в повести «Казаки». В контексте исследования важным оказывается противопоставление образа жизни казаков образу жизни дворянского сословия: казаки в поте лица добывают свой хлеб, что постоянно подчеркивает писатель. Весьма скромную и непритязательную жизнь ведет Оленин, каждый день изматывающий себя на охоте. Следовательно, в концепции Толстого, принять столь уродливые формы любовь может только в обществе, которое сознательно исключило из своей жизни труд.

Практически все метафоры «Крейцеровой сонаты» подтверждают эту мысль: ее герои сравниваются с «перекормленными домашними животными», подобно которым «прыгают, дерутся, носятся с места на место, сами не зная зачем». Об этом неоднократно говорит Позднышев, не находя здравого смысла ни в действиях окружающих его людей, в том числе и жены, ни в своих собственных. Вся деятельность, которой они заняты, эфемерна: «Она [жена – К.Н.] старалась забыться напряженными, всегда поспешными занятиями хозяйством, обстановкой, нарядами своими и детей, учением, здоровьем детей. У меня же было свое пьянство – пьянство службы, охоты, карт» [3. Т. 12. С. 162]. Именно эта праздная потребительская жизнь, целью которой является получение максимально возможного удовольствия, объявляется героем «свиной жизнью», в основе которой лежат «животные излишества».

Представления о свинье как грязном животном, неразборчивом в еде, сделали ее символом ненасытности, похоти, невежества, неудержимой агрессии практически во всех религиозных традициях. В иудаизме действует строжайшее табу на употребление в пищу свинины, объясняющееся всеядностью животного и ассоциациями свиньи с похотливостью. Тот же запрет существует и у мусульман, которым не позволено даже касаться нечистого животного. Негативное отношение к свинье восприняли и христиане: в христианской традиции свинья – низменное животное, символ плотских грехов, особенно чревоугодия. Один из Евангельских эпизодов рассказывает об изгнании Христом бесов, которые, покинув одержимых, переселились в стадо свиней. В буддийской традиции свинья олицетворяет одну из причин, привязывающих человека к бесконечному кругу существования. Свинью помещают в центр колеса Сансары как символ невежества. Все метафорические уподобления человека свинье в «Крейцеровой сонаты» вписываются в указанную традицию.

«Да, свинья я был ужасная и воображал себе, что я ангел» [3. Т. 12. С. 143], – говорит о себе Позднышев, подкрепляя этими словами описание своего образа жизни до женитьбы. Вступив в брак, он окончательно сделался свиньей: «Вот такой-то свиньей я и жил!», «наша свиная связь» (12, 151), «наше свинство» [3. Т. 12. С. 157], «наша свиная жизнь», любовь «есть нечто мерзкое, свиное» [3. Т. 12. С. 151]. «Свиное» в его речах всегда означает сексуальную невоздержанность: «Проповедуй воздержание от деторождения во имя того, чтобы английским лордам всегда можно было обжираться, – это можно. Проповедуй воздержание от деторождения во имя того, чтобы больше было приятности, – это можно; а заикнись только о том, чтобы воздерживаться от деторождения во имя нравственности, – батюшки, какой крик: род человеческий как бы не прекратился оттого, что десяток-другой хочет перестать быть свиньями» [3. Т. 12. С. 146]. Идеал человечества, как считает Позднышев, должен кардинально отличаться от «идеала кроликов и свиней» [3. Т. 12. С. 146], или «обезьян и парижан» [3. Т. 12. С. 147], – это «идеал добра, достигаемый воздержанием и чистотою» [3. Т. 12. С. 147].

Этой же логике подчинено метафорическое уподобление жены Позднышева лошади. «Звериная кровь» поднимается в ней точно так же, как в ее муже, от безделья. «Мерзавцы»-доктора «не велели ей рожать и научили средству» [3. Т. 12. С. 164]. С точки зрения героя, это обстоятельство, «кажущееся ничтожным», как раз и «произвело все то, что произошло»: «...она физически раздобрела и похорошела, как последняя красота лета. Она чувствовала это и занималась собой. В ней сделалась какая-то вызывающая красота, беспокоящая людей. Она была во всей силе тридцатилетней нерожавшей, раскормленной и раздраженной женщины. Вид ее навел беспокойство. Когда она проходила между мужчинами, она притягивала к себе их взгляды. Она была как застоявшаяся, раскормленная запряженная лошадь, с которой сняли узду. Узды не было никакой, как нет никакой у 0,99 наших женщин. И я чувствовал это, и мне было страшно» [3. Т. 12. С. 164].

В мире позднего Толстого человек теряет свое обличье и превращается в свинью, когда перестает добывать свой хлеб. На 1880-е годы приходится пик сравнений человека со свиньей, что напрямую связано с концептуальным оформлением толстовского учения. В художественных произведениях, написанных после «Крейцеровой сонаты», «свиное» обнаруживает себя в речах второстепенного, но знакового персонажа романа «Воскресение»: старичка, проповедующего собственное религиозное учение, имеющее некоторые сходства с христианским. Этот старичок, встреченный Нехлюдовым сначала на пароме при переправе через реку (что само по себе уже символично), а потом в тюрьме, куда Нехлюдов приводит на экскурсию англичанина, обращается к посетителям с такими словами: «Что ж, пришли подивиться, как антихрист людей мучает? На вот, гляди. Забрал людей, запер в клетку войско целое. Люди должны в поте лица хлеб есть, а он их запер, как свиней, кормит без работы, чтоб они озверели» [З. Т. 13. С. 450-451]. Это отождествление людей с перекормленными свиньями вполне отвечает духу «Крейцеровой сонаты» и актуализирует те идеи, которые владела Толстым в период ее написания.

Только непрерывный тяжелый труд – причем нравственный не исключает физического – делает человека человеком, поддерживая баланс между его потребностями и способами их удовлетворения. Тогда он становится свободным существом, и сравнение его со свиньей (той свиньей, которая живет в лесу и занята своим «звериным» делом) не унижает человека, а, напротив, вписывает его в общий гармонический миропорядок, на что и было указано Толстым в повести «Казачки».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Валагин А.П. Прочитаем вместе. М.: Просвещение, 1991.
2. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.-Л.: Художественная литература, 1928–1958.
3. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 20 т. М.: Художественная литература, 1978–1985.
4. Тургенев И.С. Собр. соч.: в 5 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 5.
5. Фонвизин Д.И. Собр. соч.: в 2 т. М.;Л.: Художественная литература, 1959. Т. 1.

Поступила в редакцию 16.04.16

K.A. Nagina

BESTIARY OF RUSSIAN LITERATURE: A MAN AND A PIG IN L.N. TOLSTOY'S WORKS

The subject of research in the article is the bestiary of L. Tolstoy. One of the main animal characters in the works of this writer is the image of a pig, presented both in his early and late works. This image is undergoing a significant evolution. In “The Cossacks” a pig declares the bearer of natural wisdom, and in the “The Kreutzer Sonata” a pig is becoming a familiar anti-human. To see changes in the reception of pigs is planned in the play “The Infected family”, where we can find references to “bestial” topic of D. Fonvizin’s comedy “Ignoramus”. A significant one becomes the play “The first distiller” in which L. Tolstoy reveals the causes of human transformation in a dirty animal - a pig. The story “The Kreutzer Sonata” develops this theme. Refusing to physical labor, representatives of the human race lead “pig's life”, morally degrading. Thus, the reception of pigs at L. Tolstoy repeats the evolution which the image of a pig undergoes in the perception of humanity.

Keywords: animal code, bestiary, L. Tolstoy, “The Infected family”, “First distiller, or How Little Devil Earned a Hunk of Bread”, “The Kreutzer Sonata”.

Нагина Ксения Алексеевна,
доктор филологических наук, профессор
Воронежский государственный университет
394000, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, 10
E-mail: kafruslit@gmail.com

Nagina K.A.,
Doctor of Philology, Professor
Voronezh State University
Lenina Sq., 10, Voronezh, Russia, 394000
E-mail: kafruslit@gmail.com